МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ИССЛЕДОВАНИЯ СТАТУСА И КОРПУСА И ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ

Материалы II Международного научного форума

18–19 сентября 2019 г.

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2019

DOI: 10.17223/9785946218740/14

С.Ю. Стеклянникова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ПОЭЗИЯ Г.Р. ДЕРЖАВИНА В НЕМЕЦКИХ АНТОЛОГИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в. И ПЕРЕВОДНАЯ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ СТИХОТВОРЕНИЯ «РЕКА ВРЕМЁН В СВОЁМ СТРЕМЛЕНЬИ…»

Аннотация. В статье рассматриваются поэтические тексты Г.Р. Державина, выбираемые немецкими издателями второй половины XX в. На основе феномена переводной множественности проанализированы немецкие переводы стихотворения Г.Р. Державина «Река времён в своём стремленьи…». Основные трудности передачи поэтического текста соотносятся не только с перенесением содержательных смыслов и эмоциональной составляющей, что предопределяет высокую долю субъективности при переводе, но и в случае с поэзией Державина связаны с художественной формой произведений.

Ключевые слова: переводная множественность, русская поэзия, немецкая антология, перевод, Г.Р. Державин.

Изучение поэтического перевода избранных, как правило, лучших классических произведений литературы неразрывно связано с феноменом переводной множественности, которому посвящены труды магаданской школы переводоведения под руководством Р.Р. Чайковского (Чайковский 2008). Наиболее ярко феномен переводной множественности прослеживается на материале иноязычных антологий. Корпус антологий позволяет оценить перевод того или иного произведения не только относительно оригинала, но относительно других переводов, выявить специфику синонимии текстов, а также выявить переводческие стратегии авторов и составителей, связанные с форенизацией (переносом читателя-реципиента в иную культуру) или доместикацией (приближением к языку и принимающей словесной культуре). Важную роль при этом играет целый ряд факторов, обусловленных тем, кем выполнен перевод (поэтами-переводчиками или учёными-филологами) и в какую эпоху.

Как известно, перевод поэзии характеризуется высокой долей субъективности, однако существует и опыт использования лингвоста-

тистической методики, позволяющей определить коэффициент соответствия текста перевода оригиналу. Она разработана академиком М.Л. Гаспаровым (Гаспаров 2001), выдвинувшим идею использовать подстрочник в качестве мерила точности при анализе поэтических переводов, и нашла своё развитие в трудах Л.Г. Портера (Портер 2015). Место и типология подстрочника как жанра перевода поэзии отражена в работах Н.Е. Никоновой (Никонова 2008) в контексте развития русско-европейских литературных связей. Результаты этих исследований составляют теоретико-методологическую базу для анализа, некоторые результаты которого представлены в настоящей статье.

Г.Р. Державин (1743–1816) в корпусе немецких антологий прошлого века предстает читателю как «величайший лирический поэт до Александра Пушкина», ср. «der größte lyrische Dichter vor Alexander Puschkin» (Etkind 1981, 520), «бесспорно самый значительный русский поэт не только эпохи классицизма, но и всего XVIII века», ср. «Derzavin ist zweifellos der bedeutendste Dichter nicht nur des Klassizismus, sondern des ganzen XVIII. Jahrhunderts» (Borowsky 1983, 663), «самый значительный русский лирик XVIII столетия и величайший поэтический талант до Пушкина», ср. «Derzavin war der bedeutendste russische Lyriker des 18. Jahrhunderts und das größte poetische Talent vor Puschkin (Grasshoff 1983, 372), «первый поэт России, который оставил после себя произведения непреходящего значения», ср. «Gawrila Derzavin war der erste Dichter in Russland, der Werke von bleibendem Wert hinterlassen hat» (Zelinsky 2002, 51), «самый значимый поэт русского классицизма», ср. «wichtigster Dichter des russischen Klassizismus» (Schmid 2003, 365).

В то же время отдельные произведения Г.Р. Державина интерпретируются авторами, переводчиками и составителями антологий русской поэзии в Германии по-разному. С одной стороны, признаётся тот факт, что с Г.Р. Державина и его оды «Бог» началась новая русская литература. Так, К. Боровски говорит о преемственности Г.Р. Державина по отношению к традиционной ломоносовской оде, в которой он смешивает «высокий стиль» с элементами других, более низких стилевых разновидностей: «so ist Derzavin bewusst ein gelehriger Schüler Lomonosows» (Borowsky 1983, 663). С другой стороны, возникают любопытные замечания относительно стихов Г.Р. Державина, приближающие его к европейской литературной поэтике и эстетике. В антологии «Лирика Европы» (1963) утверждается, что его стихотво-

рения «являются по большей части переложениями» ср. «seine Gedichte sind zum groβen Teil Übertragungen» (Hennecke 1963, 695), то есть обнаруживают характер подражаний. В антологии «Европейская лирика» (1969) Г.Р. Державин выступает как представитель классицизма в русской литературе, «главные темы творчества которого (Бог, смерть и тленность) решены ещё в традициях европейского барокко» ср. «Seine Hauptthemen Gott, Tod und Vergänglichkeit stehen noch in der Tradition des europäischen Barock» (Laaths 1969, 709).

Самая обширная характеристика творчества Г.Р. Державина и подробная биографическая справка даются в сборнике «Хор ко превратному свету» (1983), который ограничен по хронологии творчеством русских поэтов XVIII в. Авторы подчёркивают, что русский поэт обучался «в частной школе одного жившего в Оренбурге ссыльного немца, у которого он приобрёл, прежде всего, знания немецкого языка» ср. «in die Privatschule eines in Orenburg in der Verbannung lebenden Deutschen, bei dem Derzavin vor allem Kenntnisse in der deutschen Sprache erwarb» (Grasshoff 1983, 371).

В немецких антологиях, вышедших в Германии во второй половине XX в., творчество В.Г. Державина представлено немецкому читателю 31 текстом, этот показатель является максимальным среди поэтов XVIII в. Далее по количеству текстов следуют И.А. Крылов (26), В.А. Жуковский (20), А.П. Сумароков (20). Среди многократно повторяющихся текстов лидируют следующие произведения: «Река времён» (8), «Бог» (5), «На смерть князя Мещерского» (3), «Властителям и судиям» (2), остальные стихотворения выбираются однократно.

В антологиях, посвящённых исключительно русской поэзии, произведения Г.Р. Державина представлены довольно разнообразно. Так, в них встречаются стихотворение «На смерть князя Мещерского», которое, по мнению Е.Г. Эткинда, «служит началом развития русского предромантизма» (Etkind 1981, 520), а также интересный образец гражданской поэзии Г.Р. Державина, одно из первых в своём роде стихотворение, обличающие взяточничество, злоупотребление властью чиновниками «Властителям и судиям». Составители антологий обращаются и к имевшей огромный успех при дворе Екатерины II «Оде к премудрой киргизкайсацкой царевне Фелице», в которой присутствует и хвалебное, и сатирическое начало. Последнее получает развитие, совмещаясь с обличительным пафосом в стихотворении «Вельможа». Оба произведения предлагаются немецкому читателю в переводах

Вильгельма Вольфзона в антологии «Хор ко превратному свету» для создания максимально приближенного к XVIII в. контекста.

Как известно, в стихотворении «К женщинам» Г.Р. Державин наделяет женскую красоту невиданной силой: «Огонь, и меч, и щит // Красавица сражает!» (Державин 1987, 44). В немецком переводе женственность и возвышенность образа утрачивается, во-первых, из-за смены заглавия – оно даётся по первой строке перевода «Медведям дал Зевс когти» (Den Bären gab Zeus Pranken) (Braune-Steininger 1989, 5), а у Г.Р. Державина первая строка – «Зевес быкам дал рога»; во-вторых, из-за выбора специфичного (устаревшего, а в синхроническом языковом срезе сниженного) существительного среднего рода «das Weib» (баба, жена): «Что только он дал бабе?» (Was gab dem Weib er nur?). Поэт дважды употребляет эпитеты «красавица» и «красота», которые не переводятся вовсе. Вместо «красоты» возникает «слабость»: «Чем она защищает свою слабость» (Was seine Schwachheit schützt). Такой перевод Й. Мюллера в корне меняет эмоциональный фон стихотворения.

Присутствует в корпусе и игривое стихотворение «Русские девушки», прославляющее в шутливом тоне прелестных барышень: «Коли б видел дев сих красных, // ты б гречанок позабыл» – в немецком переводе трансформируется в строку «Увидел бы ты этих красавиц прыгающими, // Ты позабыл бы свою Грецию» (Sähst du diese Schönen springen, // Du vergäβt dein Griechenland). Включение этого текста в антологии русской поэзии, очевидно, обусловлено определённым имагологическим стереотипом, характерным для представления европейцев о России.

В антологии «Русские эпиграммы» (1990) представлены три эпиграммы Г.Р. Державина: «На смерть собачки Милушки», ироничная эпиграмма на графа («рифмоплёта») Д.И. Хвостова «В твоих торжественных, высокопарных…» и более сочувственная, чем высмеивающая пороки известного своим пристрастием к алкоголю Е.И. Кострова, эпиграмма «Весьма злоречив тот, неправеден и злобен».

Любовная лирика репрезентируется лишь стихотворением «Прогулка в Царском селе». В нём отражается нежная и трогательная привязанность к первой супруге Екатерине Яковлевне, которую поэт называет Пленирой.

Немецкоязычному читателю сборников мировой поэзии, презентующих сразу несколько национальных литератур, в отрывках из оды

«На переход Альпийских гор» предложена патриотическая лирика Г.Р. Державина. В.Ф. Ходасевич обозначает эту оду как «одну из величайших од в великой историографической лирике» (Ходасевич 1988, 215) поэта. Однако для тематической антологии «Ландшафт и лирика», ориентируясь на тематику, издатель П. Бранг выбирает строфы в переводе К. Фербера, в которых присутствует описание швейцарских ландшафтов и восхваление былых доблестных подвигов швейцарцев. К примеру, такие:

«Гигант пред нами встал в пути; // <…> нахмурясь, смотрит Сен-Готар»

(Ein Berggigant aus dem Geröll; // <…> Verfinstert steht Sankt Gotthard da) (Brang 1998, 75).

«О ты, страна, где были нравы, // В руках оружье, в сердце Бог!»

(O Land, wo Zucht geherrscht und Sitte, // Im Arm das Schwert, im Herzen Gott) (Brang 1998, 77).

Также выбрана строфа, исторической нитью связывающая русский и швейцарский народы:

«Отныне горы ввек Альпийски // Пребудут Россов обелиски»

(Dem Russen sind die Alpengipfel // Nun Obeliske, hehre Wipfel) (Brang 1998, 77).

О том, что ода посвящена А.В. Суворову, близкому другу Г.Р. Державина, и является скорее реакцией на несправедливое отношение Павла I к полководцу, иноязычному читателю не сообщается, то есть в тематической антологии о швейцарской теме в русской поэзии можно наблюдать избирательную рецепцию по доместицирующему принципу.

Интересна и трансформация в переводе стихотворения «Соловей во сне», одного из десяти произведений, в которых Г.Р. Державин, раскрывая красоту и богатство родного языка, стремясь доказать его изобилие, лёгкость и мягкость, не использует слова со звуком «р». Такой художественный приём нередко встречается и у западных поэтов. Например, немецкий поэт Бартольд Хинрих Броккес (1680–1747) избегал этого звука, когда хотел изобразить тишину после грозы, а французскому поэту Пьеру де Ронсару наоборот казалось, что слова, в которых он встречается, придают стихам звучность и громкость. Не удивительно, что в подстрочном переводе антологии Б. Зелински «Русская лирика» (2002) переводчик Р. Лауер не учитывает такую особенность стихотворения.

В целом, стихи Г.Р. Державина в немецких антологиях прошлого века представлены в переводах 16 авторов: наибольшее количество переводов у Й. Мюллера (8), далее с пятью переводами следует Л. Мюллер, по два перевода у Ф. Фидлера, Й. Гюнтера и Р.Д. Кайля. Остальные имена переводчиков встречаются однократно. Четыре стихотворения даны в переводе современников Державина: «Властителям и судиям» и «Вельможа» в переводе В. Вольфзона, «Река времён…» в переводе К. Шмида, «Фелица» в переводе А. фон Коцебу. Выполненный А. фон Коцебу перевод оды «Бог» Г.А. Фролов критикует за «небрежность», называет «прозаичной копией» (Фролов 2003, 26) и указывает, что причинами перевода является желание угодить Г.Р. Державину, в то время занимавшему высокий пост в Российской империи. О переводах Ф. Фидлера высоко отзывается Е.Г. Эткинд, подчёркивая его мастерство именно в передаче авторского замысла при весьма неточной передаче лексических единиц: «Удалённость формальная, словесная ведёт к близости по существу, близости поэтической» (Эткинд 1963, 41).

Немецкие авторы, составители антологий, при выборе текстов из творчества Г.Р. Державина руководствуются, прежде всего, темой и контекстуальным полем издания, этим же обусловлен и выбор переводов. Важную роль играют культурные связи, благодаря которым творчество Державина становится ближе и интереснее немецкому читателю. В корпусе антологий преобладают произведения не канонические для литературы XVIII в., но освещающие дух эпохи, придворной жизни, деятельность реальных исторических персонажей. Они характеризуют Г.Р. Державина не только как новатора в литературе XVIII в., переводчика, придворного чиновника, но и как историка, сумевшего запечатлеть в своих стихах и суть действительных событий, и своё отношение к ним.

Стихотворение «Река времён», написанное Г.Р. Державиным перед самой кончиной 6 июля 1816 г., является началом незавершенного произведения «На тленность». Как известно, оно представляет собой ребус, для создания которого русский поэт использовал графический приём – акростих, и начальные буквы строк текста складываются в осмысленную форму «Руина чти». Складывающиеся из вертикального ряда букв слова могут «либо указывать на автора или адресата произведения, либо служить смысловым дополнением к тексту, соотноситься как загадка и отгадка...» (Горкин 2006, 312). Такого рода композицию стихотворения Г.Р. Державин использовал довольно часто.

В антологиях комментарий к стихотворению довольно скуп. Упоминается факт написания стихотворения перед смертью поэта. Лишь в двух антологиях «Русские стихотворения» переводчика Л. Мюллера и «В Россию можно только верить» издателя В. Брауне-Штейнингера встречается более подробная сопроводительная информация. Л. Мюллер даёт наиболее полную характеристику стиху, например, имеется указание на незавершённость задуманной оды «На тленность». В. Брауне-Штайнингер ссылается на источник первой публикации стихотворения. Обе антологии содержат замечания о том, что при создании стихотворения «Река времён» поэт имел перед глазами некое полотно, символическое изображение реки времён.

Действительно, в кабинете Г.Р. Державина на стене висела известная в Европе историческая карта «Река времён, или Эмблематическое изображение всемирной истории». Протограф Фридриха Штрасса «Река Времён или наглядное изображение всемирной истории с древних до новых времен» (Der Strom der Zeiten oder bildliche Darstellung der Weltgeschichte von den ältesten bis auf die neuesten Zeiten) датируется 1803 г. Рисованием карты занимался гравёр и картограф Иоганн Кристоф де Майр, с которым Г.Р. Державин водил личное знакомство, т.к. по заказу поэта после 1794 г. художник скопировал портрет Екатерины Яковлевны, первой жены Г.Р. Державина, с картины В. Боровиковского. Переведена карта в то время на многие европейские языки, на русский язык в 1805 г. карту перевёл обер-провиантмейстер, журналист и переводчик начала XIX в. А. Варенцов. Примечательно, что русскую «Реку времени» переводчик дополнил посвящением Александру I и некоторыми известными российскими деятелями. Так, в последнем потоке (крайний правый на карте) под грифом «Изобретения, Открытия, Успехи Просвещения. Славные мужи» стоит имя «Державин», замыкающее череду российских учёных, а заодно и XVIII в. Из огромного сияющего и парящего в небесах шара следует водопад разных потоков историй народов и государств от Сотворения мира и от Рождества Христова вплоть до 1800 г. Внизу, на берегу Реки времён богиня истории Клио пишет «Книгу истории человечества» на опрокинутой урне, из которой выбегает время. Песочные часы, коса – всё символизирует быстротечность времени. Но в то же время у богини Клио за спиной виднеется зелёная пальма с многочисленными плодами, что можно трактовать как символ Спасения, так как именно пальму ранние христиане ассоциируют с победой Христа, Бога над смертью. В антологиях история создания текста не передаётся.

Заглавие стихотворения «Река времён» в переводе на немецкий язык: из шести переводов лишь перевод Л. Мюллера дан без заглавия, остальные переводы озаглавлены «Последние стихи» (Letzte Verse) или «Последние строки» (Letzte Zeilen). Очевидно, немецкие переводчики руководствовались или тем временным фактом написания стихотворения перед смертью поэта, или публикацией под заголовком «Последние стихи Державина» в журнале «Сын отечества» в номере № 10 за 1816 г.

Обратим внимание на перевод ключевого понятия «река». Все переводчики используют лексическую единицу «der Strom», имеющую словарное значение «поток», «большая река», «течение», по сути уже соответствующее словосочетанию «река…в своем стремленьи», поэтому последние три слова во многих переводах упускаются. За счёт выбора лексической единицы «der Strom» теряется женское начало реки и появляется мощное мужское, что связано с грамматическим родом этих существительных. Возможно, этот выбор продиктован уже имеющимся в арсенале немецкого языка словосочетанием «Strom der Vergessenheit» (река Лета).

Открывает вторую половину XX в. перевод немецкого писателя Ганса Бауманна (1914–1988), который одновременно является издателем целого ряда антологий русской лирики: «Am Fenster. Russische Gedichte» (1951), «Russische Gedichte» (1957), «Russische Lyrik 1185–1963» (1963). В последней из указанных антологий содержится единственное стихотворение Г.Р. Державина «Река времён в своём теченьи». В своём переводе Г. Бауманн усиливает краски, наделяя поток дополнительной мощью: не «уносит», а «срывает» (reiβt). Переводчик передает «дела людей» как «что-то когда-то задуманное» (was jemals ward erdacht), соответственно не всегда реализованное. «Пропасть» Г.Р. Державина переводится как «пасть, глотка» (Rachen), в которой «заканчивают своё существование народы и власть правителей» (Drin enden Völker, Herrschermacht), а не «царство» и «цари». Самое серьёзное искажение на уровне содержания встречается в пятой строке: державинское «что и остается» становится кем-то одушевлённым «Только один жерло избежит» (Nur Einer wird dem Schlund entgehen), «устоит перед Страшным судом» (Des Jüngsten Tages bleibt bestehen) и он же является создателем мира, потока и пропасти (Der Welt und Strom und Abgrund schuf). Такой перевод в корне меняет сюжет Г.Р. Державина, возвышая поэта над всем и всеми и приравнивая его к

Создателю. В данном случае своё воплощение в переводе нашла собственная художественная система переводчика. Творческая судьба Г. Бауманна-поэта не была безоблачной: он был певцом «Гитлерюгенд» до Второй мировой войны, с 1945 по 1950 гг. находился в плену во Франции, ему пришлось на собственном опыте пережить общественное порицание за поддержку национал-социалистического строя в Германии, но и выстоять, во многом благодаря дальнейшему творчеству. Поэтому образ поэта-творца, замещающего место создателя, в его переводе видится программным. Такой перевод стихотворения не претендует на высокую степень точности (данные статистической методики оценивают точность перевода на 3%), стратегия переводчика обнаруживает креативную составляющую.

В антологии Э.Г. Эткинда «Russische Lyrik. Gedichte aus drei Jahrhunderten» (1981) стихотворение «Река времён» представлено в трёх переводах: один перевод относится к XIX в., остальные два относятся ко второй половине XX в.

Самый ранний перевод «Реки времён» относится к XIX в., он выполнен переводчиком Конрадом Шмидтом. В его переводе много неточностей, связанных с передачей смыслов стихотворения. Так, словосочетание «все дела людей» трансформируется в «дела всех людей» (Aller Menschen Werke), что даёт смещение акцента и может подразумевать уравнивание великих и простых. В интерпретации К. Шмидта река не «топит», ей отведена пассивная роль – уносить то, что в неё попадает. При использовании глагола «тонуть» не проявляется фатальный пафос стихотворения, т.е. «народы, царства и цари» как будто сами выбирали определённый путь, который привёл их к гибели. Также переводчик отказывается от исторических русизмов «царь», «царство», что является вполне типичным для истории немецкого художественного перевода XIX в.: не передавать чуждого, ассимилируя многие инокультурные реалии.

Думается, державинские метафоры «звуки лиры и трубы» соединяют в себе две стороны его жизнетворчества: его лирическое «Я» и гражданский долг, который сам поэт находил чрезвычайно важным. В переводе К. Шмидт упускает упоминание «трубы», тем самым сужая смысловое поле стихотворения. Зато появляется добавление словосочетания «короткий срок» (kurze Frist), подчёркивая недолговечность всего сказанного и сделанного. В финальных строках отсутствует образ общей судьбы, переводчик делает акцент на «скором поглощении в жерле

вечности» (In dem Schlund der Ewigkeiten // Bald es hingeschwunden ist). На уровне рифмы наблюдаются нарушения в первой и третьей, в пятой и восьмой строках. Словом, версия Шмидта является довольно вольной интерпретацией стиха Державина, что вполне объяснимо с точки зрения времени его создания, когда четких требований к точности переводов не выдвигалось. Это подтверждается невысоким показателем точности – 42%.

Следующий перевод в антологии Г.Е. Эткинда выполнен славистом Людольфом Мюллером, не только известным переводчиком русской литературы, но и теологом, специалистом по истории русской православной церкви, что объясняет его последовательность передачи историзма «царь» (Zar). При переводе державинского глагола «топить» он прибегает к антонимической стратегии: царь, народ и империя «тонут» сами (Versinken Zar und Volk und Reich). Серьёзной трансформации подвергается шестая строка «Чрез звуки лиры и трубы», которая заменена на «потому что слово поэта ему даёт посмертную славу (Weil Dichterwort ihm Nachruhm leiht). Непосредственного указания ни на поэта, ни на славу, ни на посмертную славу в оригинале в отличие от перевода не находится. Утверждение «И общей не уйдёт судьбы» заменено на более общее: «Должно всё же в конце концов пройти» (So muβ es doch zuletzt vergehen). Перевод Л. Мюллера имеет ряд неточностей в передаче лексических единиц, в то же время стилистическая составляющая и сохранение образности, торжественности придают переводу некую индивидуальность. Коэффициент точности равен 50%.

Замыкающий в антологии Е.Г. Эткинда перевод Рольф-Дитриха Кайля, слависта и переводчика, отличается точной передачей поэтической семантики стихотворения: автор допускает всего два добавления в державинский текст. Во-первых, в его вариации река топит не сами народы, правителей и царства, а их славу (Der Völker, Reiche, Herrscher Ruf). Во-вторых, в пятой строке добавляется слово «времена» (Und wenn auch manches mag die Zeiten). Высокую точность перевода Кайля подтверждает метод адекватности перевода, коэффициент равен 80%.

Перевод Йозефа Мюллера, представленный в антологии «В Россию можно только верить» (1989), удаляется от державинского стиля, большей частью пересказывая стихотворение. Количество отступлений максимальное: строки заменены близкими, но неточными вариациями. Так, первая строка претерпела изменения полностью и приобрела в переводе определённую модальность «Потоку времени должно

всё уступать» (Dem Strom der Zeit muβ alles weichen). Вместо «пропасти забвения» возникает «ночь забвения» (des Vergessens Nacht), «дела людей» в переводе расширяются до «созданного и задуманного человеком» (der Mensch erschuf, erdacht), «звуки лиры и трубы» передаются как «стихи и песни». Интересен синоним лексической единицы «судьба» – она трактуется как «русло реки» (Weltlauf). Коэффициент точности составляет всего 33%.

В свой перевод Йоханес Гюнтер, издатель мультилатеральной антологии и переводчик представленной в ней русской поэзии, добавляет лексическую единицу «lenken» (направлять), которая в словаре сопровождается пометой *выс. устар.* и отсылает читателя в XVIII в. На синтаксическом уровне наблюдается трансформация финального повествовательного предложения «И общей не уйдёт судьбы» в восклицательное «Так как этой судьбы ничто не избежит!» (Denn diesem Los kann nichts entgehn!), которое, в общем, не согласуется с общей стилистикой стихотворения. Коэффициент точности составляет 63%.

Изобразительный приём акростиха, реализованный Г.Р. Державиным в первых восьми строках, которые вертикально прочитываются как «Руина чти», остался без внимания немецких переводчиков. Г. Бауманн разбивает восьмистишие на две строфы по четыре строки, остальные переводчики дают все восемь строк слитно. Й. Мюллер, единственный из переводчиков, начинает первую и пятую строки с заглавной буквы, все остальные строки – со строчной буквы. У других переводчиков заглавные буквы присутствуют в каждой строке стихотворения.

В результате данных коэффициента точности лидирующую позицию занимает перевод Р.-Д. Кайля (80%), затем следуют Й. Гюнтер (63%), Л. Мюллер (50%), К. Шмидт (42%), Й. Мюллер (33%) и замыкает самый слабый из всех переводов Г. Бауманна (3%). Однако переводы Й. Мюллера и Л. Мюллера встречаются в корпусе антологий по два раза не только в изданных ими самими антологиях, но у других издателей. Благодаря феномену переводной множественности, изучая переводы во временной перспективе, можно отметить, что на исходе XX в. переводы становятся более точными только при передаче содержательного плана, но не формы стихов Г.Р. Державина.

В переводческой рецепции авторов немецких антологий прошлого века тексты Г.Р. Державина представляют его как разностороннего и смелого поэта: новатора, создавшего новую стилистическую манеру (ода «Фелица); поэта, которому были не чужды и жанры более лёгкого

плана, например, эпиграммы. Г.Р. Державин позиционируется не столько как выразитель национальной идеи, но как поэт, вобравший в своё творчество характерные сюжеты и образы европейской литературы и транслирующий их в русской словесности. По вкладу в развитие русской литературы Г.Р. Державин ставится в один ряд с А.С. Пушкиным.

Литература

1. Гаспаров М.Л. Подстрочник и мера точности // Гаспаров М.Л. О русской поэзии: Анализы. Интерпретации. Характеристики. СПб. : Азбука, 2001. 480 с.
2. Горкин А.П. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. М. : Росмэн, 2006. 584 с.
3. Державин Г.Р. Анакреонтические песни. М.: Наука, 1987. 472 с.
4. Никонова Н.Е. Подстрочный перевод: типология, функции и роль в межкультурной коммуникации. Томск : Томский государственный университет, 2008. 112 с.
5. Портер Л.Г. Числовые оценки качества поэтического перевода. URL: https://poezia.ru/works/116614 (дата обращения: 10.10.2019).
6. Фролов Г.А. Ода Г.Р. Державина «Бог» в немецком литературном контексте (источники, переводы) // Г.Р. Державин в новом тысячелетии: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 260-летию со дня рождения поэта и 200-летию со дня основания Каз. ун-та, Казань, 10–12 нояб. 2003 г. / [сост. А.Н. Пашкуров]. Казань : Каз. гос. ун-т, 2003. 132 с.
7. Ходасевич В.Ф. Державин. М. : Книга, 1988. 326 с.
8. Чайковский Р.Р. Основы художественного перевода : учеб. пособие. Магадан : Изд-во СВГУ, 2008. 182 с.
9. Эткинд Е.Г. Поэзия и перевод. Л. : Сов. писатель, 1963. 431 с.
10. Borowsky K., Müller L. Russische Lyrik. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. Stuttgart: Philipp Reclam Jun., 1983. 731 S.
11. Brang P. Landschaft und Lyrik. Die Schweiz in Gedichten der Slaven. Basel : Schwabe & Co. AG. Verlag, 1998. 733 S.
12. Braune-Steininger W. An Russland kann man ja nur glauben. Russische Verse aus dem 18. und 19. Jahrhundert. Fernwald : litblockin, 1989. 110 S.
13. Etkind E. Russische Lyrik. Gedichte aus drei Jahrhunderten. Ausgewählt und eingeleitet von Efim Etkind. München : R. Piper & Co. Verlag, 1981. 575 S.
14. Grasshoff H., Grasshoff A. Chorus an die verkehrte Welt. Russische Dichtung des 18. Jahrhunderts. Leipzig : Philipp Reclam Jun., 1983. 395 S.
15. Hennecke H., Hohoff C., Vossler K. Lyrik des Abendlands. München : Carl Hanser Verlag, 1963. 764 S.
16. Laaths E. Abendländische Lyrik. Von den Troubadours bis zum 20. Jahrhundert in deutschen Übertragungen. München : Winkler Verlag, 1969. 747 S.
17. Schmid U. Russische Lyrik. Eine thematische Anthologie. Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 2003. 393 S.
18. Zelinsky B., Herlth J. Die russische Lyrik. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, 2002. 491 S.